

Натали Симоно

Роман " Я любила дьявола "
Книга 1

18+

Натали Симоно

**Роман " Я любила
дьявола " Книга 1**

«Автор»

2026

Симоно Н.

Роман " Я любила дьявола " Книга 1 / Н. Симоно — «Автор»,
2026

Любовь — это сделка, и условия в ней диктует Дьявол. Студентка Марина вложила свою руку в руку Люцифера. Тысячи лет падший ангел ищет душу той, кого убил сам. Марина для него — лишь сосуд для осколка его прошлого. Он откроет ей истинную историю сотворения мира, где Свет и Тьма схлестнулись в вечной борьбе, и подарит время, которое остановилось. Но чем больше желаний он исполняет, тем больше стирает её саму. Придёт время, когда она перестанет быть сосудом. Но ради него Марина откажется от свободы и заключит сделку, о которой пожалеет. Это история о великой борьбе Света и Тьмы, о цене желаний и любви, которая не умеет отпускать. Книга 1. Продолжение следует.

© Симоно Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Я любила дьявола	6
Пролог	6
Глава первая. Ночь, когда море дышало	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Натали Симоно
Роман " Я любила дявола " Книга 1

Я любила дьявола

Пролог

Зима семьдесят восьмого года была такая лютая, что воробьи падали на лету.

Так, во всяком случае, рассказывала потом Вера Андреевна — а рассказывала она это часто, всякий раз, как заходил разговор о том страшном январе, и всякий раз одинаково, слово в слово, будто выучила наизусть. И то сказать: не каждый день твой ребёнок умирает и воскресает обратно.

Марине было тогда семь лет.

Она помнила не всё. Помнила, как каталась на санках с горки за домом и как потом промочила валенки, и как мать ругалась, и как к вечеру у неё заломило в висках, и как она легла на диван, а диван был горячий, хотя его никто не грел. Дальше — обрывки, как в плохой радиопередаче: белый потолок, лампа, чьи-то руки в белых рукавах, и голос, который повторял одно и то же слово, — «пневмония, пневмония, двусторонняя», — и мать, которая плакала где-то далеко, за стеклом.

Потом был больничный коридор, зелёный до половины, и запах хлорки, и капельница, и жар, от которого всё плыло и качалось. Врачи говорили между собой тихо, но она слышала. Дети всегда слышат, когда говорят о них.

— Не вытянет, — сказал один. — Осложнение на сердце. Сутки, может, двое.

Марина не испугалась. В семь лет ещё не понимаешь, что такое «не вытянет». Просто стало холодно, и очень захотелось спать, и она закрыла глаза и подумала, что если сейчас уснёт, то всё будет хорошо.

И тогда на лоб ей легла рука.

Не мамина. Мамина была тёплая, шершавая, пахла мылом и немного — валерьянкой. Эта была другая: холодная, гладкая, с длинными пальцами, и от неё по всему телу пошла такая лёгкость, будто кто-то снял с неё мокрое тяжёлое пальто. Марина открыла глаза и увидела над собой лицо. Не разобрала — только бледное пятно в полутьме палаты и глаза, тёмные, глубокие, без дна.

Она не испугалась и этого.

— Ещё не время, маленькая, — сказал он.

Голос был низкий, с хрипотцой, как у человека, который очень долго молчал. И в этом голосе не было ни жалости, ни нежности — была только уверенность. Так говорят люди, привыкшие, что их слушаются.

Он убрал руку, и Марина уснула.

А утром пришла смена, и молоденькая медсестра охнула и побежала за врачом, потому что температура у девочки упала до нормальной, и сердце билось ровно, и щёки порозовели. Врач долго слушал её, хмурился, потом выпрямился и сказал одно слово, которое потом повторяла вся больница:

— Чудо.

Вера Андреевна плакала и целовала ей руки, и приносила апельсины, которых в январе было не достать, и всё спрашивала, что же ей такое снилось, что она так спокойно спала.

Марина хотела рассказать про руку и про голос. Но почему-то не рассказала. В семь лет иногда уже понимаешь, что некоторые вещи нельзя говорить вслух, потому что взрослые испугаются. А пугать маму не хотелось.

Она забыла об этом на одиннадцать лет.

Ровно до того лета, когда они поехали на море и она впервые услышала, как море дышит.

Глава первая. Ночь, когда море дышало

Лето того года выдалось такое душное, что даже по утрам не было в воздухе прохлады, и старики во дворе говорили, что не припомнят такого за всю свою жизнь, а старики, как известно, помнят всегда лучше всех. Солнце вставало из-за заводских труб красное, словно его кто-то держал над огнём, и к полудню всё вокруг — крыши, асфальт, подоконники, кошки на подоконниках — становилось одного цвета, тяжёлого и ленивого, как патока.

В такой вот год семья Марины и собралась на море.

Собирались долго, с самой весны, и собрание это было не столько делом, сколько разговором, который длился неделями и доставлял всем троим необъяснимое удовольствие. Отец, Николай Петрович, слесарь с «Красного Октября», человек обстоятельный и неторопливый, по вечерам выходил во двор и с серьёзным видом проверял свой «Москвич» — не тот ли это был «Москвич», что гудел на весь переулочек, как уставший зверь, и возил их на дачу с таким видом, будто делает одолжение. Мать, Вера Андреевна, женщина мягкая и хлопотливая, накупала консервов, крупы, соли, спичек и журналов с кроссвордами, потому что на море, говорила она, делать нечего, а без кроссворда человек на отдыхе глупеет. А Марина — ей было тогда восемнадцать, и она только что перешла на второй курс мединститута — просто смотрела в окно и ждала. Она и сама не сказала бы, чего именно ждала. Может быть, моря. А может быть, того, что случается с человеком один раз в жизни и потом вспоминается всю оставшуюся.

Выехали на рассвете, когда город ещё спал и только молочницы с бидонами гремели на углу. «Москвич» фыркнул, кашлянул, потом завёлся и поехал, и в открытое окно потянуло бензином, пылью и той особенной утренней свежестью, от которой хочется спать и улыбаться одновременно. За окном пошли берёзы — сначала частые, потом реже, — потом сосны, прямые и важные, как солдаты на параде, потом поля, уходящие за горизонт, и всё это было таким обыкновенным, таким своим, что Марина задремала на заднем сиденье, прижавшись лбом к тёплому стеклу.

Проснулась она от того, что отец запел. Он всегда пел за рулём, когда дорога становилась длинной и пустой, — старые песни, те самые, что мать знала наизусть и подпевала тихо, вполголоса, не отрываясь от журнала. Марина смотрела на их затылки — седеющий отцовский и аккуратный материнский, — и ей было хорошо так, как бывает хорошо только в детстве, когда ты ещё не знаешь, что это когда-нибудь кончится.

К морю они сворачивали уже под вечер.

Асфальт кончился, началась грунтовка, машину стало потряхивать, и в то самое мгновение, когда они свернули, воздух в открытое окно ударил так, что Марина вздрогнула. Соль. Водоросли. Что-то ещё, чему она не нашла названия, — тёплое, просторное, огромное. Она высунулась в окно, и ветер ударил ей в лицо, и она засмеялась, и отец засмеялся тоже, и мать сказала: «Ну куда ты, выпадешь», — но сказала так, как говорят это счастливые люди.

Место было дикое. Ни кафе, ни ларьков, ни фонарей, ни даже скамеек — только песок, уходящий к воде, и вода, уходящая к небу, и небо, уходящее ещё дальше, туда, где глаз уже отказывался различать, где кончается одно и начинается другое. Палатку поставили на самом берегу, у самой кромки, так, чтобы ночью было слышно прибой, как собственное дыхание. «Москвич» остался стоять неподалёку, покрытый пылью, и в этом просторе казался теперь чем-то чужеродным, случайно забытым здесь, как кастрюля на берегу моря.

Первые дни прошли в том ленивом, тёплом тумане, из которого потом вспоминаются только отдельные куски. Марина купалась до синевы губ и до стука зубов, выходила на берег, и кожа её покрывалась пупырышками, и песок прилипал к ногам, и она снова бежала в воду, потому что выйти было невозможно. Собирала ракушки — крупные, розоватые изнутри, — и складывала их в отцовскую кепку, потому что пакета не было. Помогала матери готовить на

примусе, и примус этот шипел и плевался синим огнём, и каша в нём получалась удивительно вкусной, той самой, которую потом, в городе, никогда не удавалось повторить. Отец ловил рыбу — иногда с берега, на самодельную удочку, — и возвращался довольный, даже когда ничего не ловил, потому что на море, говорил он, ловят не рыбу, а воздух. Мать читала журналы и делала вид, что не следит за дочерью, хотя следила, конечно, и Марина это чувствовала, и ей это было приятно.

А ночи...

Ночью море начинало дышать.

Днём оно шумело, как шумят все моря на свете, — ровно, привычно, так, что к третьему дню уже и не замечаешь. Но с наступлением темноты, когда последние люди уходили с пляжа и зажигались первые звёзды, шум менялся. Он становился глубже, медленнее, словно кто-то огромный и старый лежал у самого берега и дышал — вдох, долгий, тянущийся, как вздох во сне, и выдох, ещё более долгий. Марина лежала в палатке, слушала этот вдох и выдох и не могла заснуть. Не от жары — ночи стояли прохладные, с той особенной морской свежестью, от которой спится хорошо. Не от комаров — их тут почти не было. Она не могла спать потому, что в этом дыхании было что-то, от чего ей хотелось выйти наружу и стоять на берегу, и смотреть, и ждать.

Она гнала от себя это чувство, потому что была разумной девушкой, студенткой медицинского, и знала, что никакого «зова моря» не существует, а есть усталость, ветер и разыгравшееся воображение. Но на третью ночь она не выдержала.

Родители спали. Отец посапывал, уткнувшись лицом в подушку, мать лежала на боку, прижав к груди журнал — кроссворд так и остался нерешённым, — и в полутьме палатки её лицо было спокойным и молодым, каким оно бывает только во сне. Марина потихоньку расстегнула молнию — ткань зашипела, как живая, и она замерла, прислушалась, — и выскользнула наружу.

Луна висела низко, огромная, почти оранжевая, и от этого море стало не серебряным, а каким-то тёмным, тяжёлым, как масло. Песок под босыми ногами был прохладным, бархатным, и она шла по нему к воде, и вода была тёплой, как парное молоко, и на мгновение ей показалось, что она снова ребёнок и что всё ещё впереди.

И тогда он вышел из тумана.

Туман стоял у самой воды — редкий, клочьями, — и вдруг один клочок отделился, стал гуще, плотнее, и из него шагнул человек. Не из воды, не из темноты, а именно из тумана, который словно бы и был соткан из этого самого дыхания. Сначала Марина увидела только силуэт — высокий, стройный, в длинном тёмном плаще, который развевался, хотя ветра не было, — и подумала почему-то не о страхе, а о том, что в такой плащ хорошо кутаться зимой. Потом он подошёл ближе, и она увидела лицо — бледное, почти прозрачное в лунном свете, с чёрными волосами, падающими на лоб, и глазами тёмными, бездонными, с тем странным блеском, который бывает только у тех, кто слишком долго смотрел в ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.